НИНА
ЯГОДИНЦЕВА

избранное

Нина Александровна Ягодинцева

Избранное

Серия «Библиотека российской поэзии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9742644
Избранное: Маматов; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-91076-066-4

Аннотация

Поэзия Нины Ягодинцевой сама по себе как-то молчалива – прочёл, а ощущение неизъяснимости осталось, той самой «пронзительной невыразимости», которую так любит и чувствует автор. «Стихи сплетены из пауз… Слова – это просто форма», – говорит она. Но – далеко не символизм; напротив, поэзия здесь очень предметна, по пути к запредельному автором заботливо расставлены «земные» маяки, дабы оно отразилось в читателе через мирские любимые приметы. И светло становится от узнавания дивных мелочей – из них, «неумелых и неловких», ткётся дорога к горнему.

Содержание

Об авторе 9
О творчестве 11
Тёмный сад 22
«Всё начинается в осенней вязкой глине…» 22
Ночь 24
«Мне видится, как будто снится…» 25
«Как странно в вязкой пустоте…» 26
«В тёмный сад, на самое дно, в траву…» 27
«В моём краю зима – пожар…» 28
«Печальница и мастерица…» 29
«Как я люблю этот поздний покой…» 31
«Мы не умерли и не смирились…» 32
«Светлеет – словно тонкий лёд…» 33
Браслет 34
Бронзовый ангел донского монастыря 35
Гл. 17 37
«Никто не едет – Бог с тобой…» 38
«Ветка небесной сирени…» 39
«Как мало нужно – даже не обман…» 40
«Уснуть, утомиться…» 41
«Рыжую шляпу надвину на самые брови…» 43
«Желанье властвовать и страсть…» 44
«О нет, не слепота грозит моим глазам…» 45

«Всё есть и будет – смерти нет…» 46
«Словно тихая река…» 48
Оранта 49
«И нам только небо осталось…» 50
«Ты ль это, жизнь, обложенная данью…» 51
«Учитель красок молодых…» 52
Июль 53
«Молиться и каяться поздно…» 54
«Ещё не видно первых звёзд…» 55
«Бежать, спешить – и не остановиться…» 56
Пиала 57
«Ни звонниц, ни колоколен…» 58
«Ещё повсюду, как на лёгкой ткани…» 59
Время 60
«Россия! Все твои черты…» 62
«От белых лент, от сонных рек…» 63
«Когда позор, тоска, бессилье…» 64
«О, если и вправду написана Книга Судеб…» 66
Ради шелеста, лепета, пенья 67
«Никакая рука – только сердце удержит поводья…» 67
«Над полетаевскими рощами…» 69
«Внезапный снегопад остановил часы…» 71
«Русское солнце, дорожное, скудное светом…» 72
«Так тигр подходит к бабочке, смеясь…» 73

«Зима стояла у киоска…» 75
«Я говорю: печаль мудра…» 76
«На три стороны помолясь…» 77
«Смерть – это кукла…» 78
«За тем невидимым пределом…» 79
«Безумие похоже на ту страну…» 80
«Время ли ветром проходит сквозь сердце…» 81
«Гора стекает вниз. Под плитами базальта…» 83
«Окликнуть можно – только шёпотом…» 84
Музыка 85
Юнга 87
«Воспоминаю я, печалясь…» 89
«То ли дерзкое смиренье…» 90
Четыре письма к А 91
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Нина Ягодинцева
Избранное

© Н. А. Ягодинцева, 2012
© В. Осипов, фотопортрет
© Издательство «Маматов», 2012

* * *

Нина Ягодинцева

Об авторе

Нина Александровна Ягодинцева родилась в 1962 году в г. Магнитогорске. Выпускница Литературного института имени Горького, член Союза писателей России с 1994 года. Кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств. Автор поэтических книг, цикла учебников «Поэтика», монографий, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, а также более 500 публикаций в литературной и научной периодике. Стихи Ягодинцевой вошли в антологии: русской женской поэзии «Вечерний альбом» (Москва, «Современник», 1991), «Современная уральская поэзия» (Челябинск, фонд «Галерея», 1996, 2003, 2011), «Антология русского лиризма. XX век» (Москва. «Студия», 2000), «Русская сибирская поэзия, XX век» (Кемерово, 2008) «Наше время: антология современной поэзии» (Москва, Нижний Новгород, 2009), «Русская поэзия. XXI век» (Москва, 2009).

Нина Ягодинцева – лауреат Всероссийских литературных премий им. П. Бажова (2001, за книгу «На высоте метели»), им. К. Нефедьева (2002, за рукопись книги «Теченье донных трав»), им. Д. Мамина-Сибиряка (2008, за книгу «Поэтика: принципы безопасности творческого развития»), Си-

бирско-Уральской литературной премии в номинации «Поэзия» (2011, за рукопись книги «Листая пламя»), лауреат Всероссийского конкурса «Лучшая научная книга-2007» (за монографию «Русская поэтическая культура: сохранение целостности личности»), лауреат литературной премии Уральского федерального округа (2012, за электронную книгу литературной критики «Жажда речи», в соавторстве с А. П. Расторгуевым).

О творчестве

Дорогая Нина!

В Ваших стихах есть понимание иных уровней бытия, в том числе и сосредоточенных в нас самих, в нашем подсознании, где таятся «тяжёлые хищные корни» необычайного притяжения:

Слезами иль кровью политы,
Растут, как дурная трава,
И глушат стихи и молитвы,
Как боль заглушает слова.

И всё-таки вряд ли бы мог состояться поэт, если бы в нём изначально, генетически не доминировало духовное начало, причём по самому высокому спросу. То, что Вы следуете классической стиховой традиции, для Вас так же естественно, как, скажем, слушать пение птиц, любоваться медленным струением ручья… В этой стиховой традиции Вы неоднообразны и вовсе не скованы каноном. Широка амплитуда ритмических и метрических вариантов, уверенно звучит разностопная строфа. И важно то, что в лучших стихотворениях на малом стиховом пространстве Вам удаётся так сгустить содержание, что в нём находит отражение драма целой жизни:

Пирует жизнь с её приливами,

С её утратами несметными,
Где мы посмели быть счастливыми,
Несчастными и даже смертными.

Лучшие Ваши стихотворения отличаются чистотою и благородством слога, согласием слова с душевным настроем, с мелодией чувства, глубиною переживания. Целомудренны и чисты «Четыре письма к А*», это любовные стихи, такие нынче очень редко встретишь. Метафорика свежа, прозрачна, она вовсе не показная, она как бы из природы вещей. Я кое-что выписал для уяснения её особенностей: «материнские сумерки речи», «воздух бабочка листала», «кипящий конус фонаря», «ветхое небо», «дымная прорубь», неба «кожа золотая»… Всё это вне контекста может и не произвести впечатления.

Пейзаж Ваш весь словно как-то приподнят, облегчён, просвечен небесным светом, не отяжелён плодами земли, как у передвижников (всему своё время). Хорош поэтический ход, когда образ из видеоряда «упрятан» в область психологии: «Она светла, как ночь перед побегом». Или в метафорическое представление: «Июль во все распахнутые окна // Холодное вливает молоко». Привлекает и такое сравнение, усиленное звукорядом: «Зачем мы мешаем вино с водой, // Как раньше мешали вину с бедой?»

Мне, человеку старому, на излёте земного бытия, по душе Ваша нравственная и духовная устойчивость.

Хоть и промелькнуло однажды на грани отчаяния: «На самом донышке тоски – // Такая каменная горечь!» – но берёт своё волевое, родовое начало: «Уж более недели // Я царствую на высоте метели, // Пеку душистый хлеб, кормлю детей…» Да будет так долгие годы.

Искренне Ваш – Ал. Михайлов,
вице-президент Международной ассоциации критиков,
профессор Литературного института им. Горького.
22.06.2000 г.

* * *

Поэзия Нины Ягодинцевой сама по себе как-то молчалива – прочёл, а ощущение неизъяснимости осталось, той самой «пронзительной невыразимости», которую так любит и чувствует автор. «Стихи сплетены из пауз… Слова – это просто форма», – говорит она. Но – далеко не символизм; напротив, поэзия здесь очень предметна, по пути к запредельному автором заботливо расставлены «земные» маяки, дабы оно отразилось в читателе через мирские любимые приметы. И светло становится от узнавания дивных мелочей – из них, «неумелых и неловких», ткётся дорога к горнему.

Всему привычному в этих строках сообщается небывалая глубина и высота: вот почему «Вспоминая Сыростан, / Вспоминаешь неземное». Стихи Нины

Ягодинцевой живут на той тонкой грани «между призрачным и настоящим», где не только одно умрёт без другого, но где порой и не ясно, что же иллюзорно, а что – подлинно. Сыростанский ли, таганайский рай, купальские ли праздники в гуще лесов у заповедных озёр – настоящее? Или зримее и правдивее то, что они собой воплощают, куда уводят нас, бескрылых, сомневающихся в истинности знака? Всякая фактичная земная примета – шёпот воды, тайно выспевающая земляника, «пасхальный сухарик со сладкой своей позолотой» – обеспечивается значимым и таинственным откликом оттуда, где любые загадки получат ответ, любые паузы станут одной – самой главной, где тебя простят и успокоят, и снег упадёт на истомившиеся от зноя губы… «Проспект заканчивается закатом», – говорит автор: вот оно, мирское, уходящее от самого себя.

Вечность, по Ягодинцевой, не мертва, не амбивалентна – она так же по-человечески наполнена вполне земным, так же уютна и утешна:

За тем невидимым пределом,
Где все невинны и чисты,
Как будто в фильме чёрно-белом:
Вокзал, автобусы, часы.
……
Из мира в мир, всегда навстречу
Иным улыбкам и слезам,
В слепое утро, зыбкий вечер,
Другой сырой автовокзал.

Но не только городские пейзажи наполняются ощущением вечности – взять хотя бы «горные» стихи. Горы для Ягодинцевой – это там, где ближе всего к «пределу»; вечность в горах похожа «на синюю стаю китов, плывущих навстречу солнцу», а взбирающиеся на вершины однажды делают это в последний раз, «чтобы потом вернуться в город и жить как все», но их дети наследуют крылатую страсть к высотам. Это стихотворение написано на внешне сдержанной, но на самом деле такой пронизывающей интонации, что у читающего перехватывает дыхание.

У каждой вершины есть имя. Она одна.
У каждой вершины – каменных толщ оплот.
Под каждой вершиной – дремучая глубина
Болот.

И ещё одно – стихи очень легки. Речь здесь идёт даже не о технике – хотя практически вся поэзия Ягодинцевой удивительно ненатужна, эту свободу нельзя сымитировать, подделать, мы с удовлетворением ловим себя на том, что сразу «попадаем в такт». Такая воздушность созвучна воздушности бытия, в котором всё тяжеловесное, грозное, страшное лечится «одним касаньем» снегопада (снега у автора очень много, и он очень разный), берестяным ковшиком с водой, белоснежной пеной герани, которая «застилает глаза и мешает плакать», бабочкой, повстречавшейся тигру на охотничьей тропе… И с той же лёгкостью поэзия

утешает и утишает нас, одаряет смирением, любовью, ощущением, что роковое бремя рано или поздно спадёт, как, например, в летящем, сквозящем, точно собранном из хокку стихотворении:

На том берегу Юрюзани,
Словно уже на небе,
Избы стоят высоко.
Мостиком в три дощечки,
Тропкой по косогору –
Разве туда взберёшься?

Во многих стихах Нины Ягодинцевой душа узнаёт самоё себя; а это ощущение – едва ли не единственное мерило подлинной поэзии.

Константин Рубинский, поэт, член Союза писателей России. Челябинск.

* * *

В полном соответствии с названием, стихи Нины Ягодинцевой способны заворожить – и приворожить. В них есть нерв и ритм, есть глубинный покой и фантастическое, присущее «донным травам», движение в покое. В ней есть главенствующая и всепроникающая – но не идея, не мысль, не эмоция, а – стихия, то есть естественная мелодия. Водная стихия. Мелодия дождя и капели, реки и ручья,

волнующейся ивовой кроны, ударов весла, шума собственной крови в ушах. Снег и лёд, лодка и парус, колодец и облако, сон (тем более – явь), плач, смерть… – все проявления, все ипостаси, все прикосновения – влажные, быстрые, изменчивые, неуловимые…

Вот – время: тёмная вода, опасная вода, предощущение потопа и хаоса, сейчас уже способное в одном полновесном миге твоего бытия соединить три «агрегатных состояния» – как три лица грозной богини:

Словно сходит не снег – материк растворяется
в прошлом,
И в угрюмое небо неспешно уходит река,
И лощёная челядь твоим подстилает подошвам
Облака, облака…

Вот время, сжавшееся в мгновение повседневности, когда «оплывает апрель, подсыхает слюда на губах», оглядываешься и видишь вокруг струящийся, полуразмытый городской пейзаж, слякоть под ногами, на заре – «огненную реку проспекта»… Вот – любовь, чьё начало и первый повелевающий жест – там ещё,

В материнской утробе, в ласкающей тесноте.
Что я знаю о нём, о томительном этом жесте
Сонной плоти в жемчужных глубинах вод?
Лишь одно: я в тоске тону, как в блаженстве,
Покуда жизнь по жилам моим плывёт.

Любовь – неотвязная жажда и любовь – расточительная, взахлёб, и легко признаваться любимому, что «даже небо из твоей горсти / Пьяней и слаще». А ещё – любовь к Родине, пронзительная нежность, чьи приметы в России – слёзы и снег, влажный ветер, тяжёлая соль…

В России надо жить не хлебом и не словом,
А запахом лесов – берёзовым, сосновым,
Беседовать с водой, скитаться с облаками
И грозы принимать раскрытыми руками.

Но поэт «жить не словом» не может. «Слов качающийся мост» – единственная, подчас, дорога и подмога, но, опять же, поэтическое слово для Нины Ягодинцевой – парус, уносимый в море, «провалы, стремнины, мели». Отсюда, должно быть, – разнообразие ритмов и строфики, смысловая вариативность, внимание к звуку и тону, музыкальность многих стихов. И в награду – магия без обмана, возможность словом трансформировать реальность, оставаясь собой – во многих мирах:

Просто воздух холодней,
И плывут куртины зноя
От земного в неземное,
По ладони – и над ней…

Узнаваемые городские картины, жизненные эпизоды, настроение и погода, воспоминания, надежды,

предчувствия… Определяющая метафора книги превращает и автора – в протея, изменчивое и изменяющееся существо, во всех четырёх стихиях – гостью и собеседницу на равных.

Евгения Изварина, поэт, член Союза писателей России. Екатеринбург.

* * *

Для зоркости и уверенности необходима выверенная собственной жизнью, выстраданная система координат. И Ягодинцева ясно вычертила вертикальную ось, недвусмысленно обозначила центр и одновременно сферу, тело этой системы.

В средоточье города и мира
На туберкулёзном сквозняке
Что тебя спасло и сохранило,
Как ребёнок – пёрышко в руке?..
Разве голос? – где ему на клирос!
Разве сердце? – купят, не соврут!
Но темница тёплая раскрылась
И открылось тайное вокруг:

Что ж, взлетай легко и неумело,
Где бессчётно в землю полегли…
Родина – таинственная мера
Боли и любви.

На этой родине «звонарь раскачивает сон», беззвучно взывая ко Всевышнему, а *«наяву гуляют ордами,/ Глумясь над спящими и мёртвыми…»* Последняя метель напоминает погибельную сечу, в которой подчистую ложится засадный снежный полк, а непогода – приход отряда батьки Махно, оборачивающийся отнюдь не шуточным расстрелом.

На этой родине *«…Ангелы на покосе/ Точат свои лучи…/ Песенок не поют,/ Мёда на хлеб не мажут./ Лезвия отобьют –/ То-то травы поляжет!»* И та же намоленная трава, расстилаемая во храме на Троицу, напоминает: *«Трава травой живём, не узнаны,/ Удерживаемы едва/ Зеленокровного родства/ Душеспасительными узами…».*

Здесь снова и снова *«…кто-то падает крестом/ И осеняет поле/ На три открытых стороны:/ России, вечности, войны…»* И матери проводят жизнь *«в нищете безвыходной и жалкой,/В неизбывном страхе за детей»* и молитве к Богоматери, чей потемневший лик по-прежнему взирает *«с холодной лаковой доски»*. И сам себя ловишь на доселе запретной, а теперь вылезающей из-под спуда мыслишке, и понимаешь, что деваться с подводной лодки некуда:

Что сердце слабое? Трепещет
Надеждой перемены мест?
Ты эмигрант, ты перебежчик,
Невозвращенец и мертвец.

Твой век не вышел из окопа,

Твой год уже полёг костьми.
Твой час настал – но неохота
В сырую землю, чёрт возьми!

И вот стоишь перед таможней
С нелепой ношей за спиной:
Со всей великой, невозможной,
Смертельно вечною страной…

Но здесь даже сухая серая полынь, *«нестерпимо горько»* звенящая на обочине той же дороги, передаёт тебе дыхание жизни. И понятно, что *«до бела снега догорать»* негде, кроме как в России – конкретно во Владимире, что навеял эти строки. И когда, прикрыв глаза от жгучей боли, рассыпаешь хлебные крошки – *«кто-то в шорохе крыл»* подбирает их все до единой.

Стихи здесь выдыхает сам тёплый воздух, заточённый на скучной окраине, и сама эта окраина звучит окариной, способной извлекать из себя незатейливую, а всё-таки мелодию. Не только нарастающий шум листвы предстаёт взволнованным ошеломляющим монологом, но *«на всех немыслимых ветрах»* распускаются полотна речи: *«Спасти, утешить, оберечь,/ Дать мужества на ополченье…/ И небо – речь, и поле – речь,/ И рек студёные реченья…»*.

Андрей Расторгуев, поэт, член Союза писателей России. Екатеринбург.

Тёмный сад
Стихотворения 1982–1991 гг.

«Всё начинается в осенней вязкой глине…»

Всё начинается в осенней вязкой глине:
Вечернее дыхание полыни
И долгий, смутный разговор,
И путь в густой туман, где дремлют гребни гор,
И сонная душа, и песня о долине.
Всё начинается в глубокой колее.
Колёса брызжут ржавою водою,
Забрызганное небо над тобою
И лес, как призрак, молчалив.
Когда настанет час небесного отлива,
С собою унесёт отлив
И свет, и тьму, и круг луны унылой,
И обнажатся мрачные обрывы
И гребни острых скал на ложе дна.
И ты узнаешь: ложь всегда одна,
А истин много.
Если о России
Не говорить, не думать, не дышать,

И глину не месить лаптями, сапогами,
Колёсами поющих жалобно телег –
Мы канем в пустоту, не отыскав ночлег,
В урочный час небесного отлива.

Ночь

Полно, да ночь ли это была?
Словно два льняных полотна,
Небо бело и земля бела,
Где-то за белым темна луна.

Сонные очи не смеют спать –
Как холодит молодую грудь
Время, которое любит стлать
Белое, белое – вдаль и вглубь.

Время погони! По руслам жил,
Словно по руслам спящих рек,
Кто-то безвестный уносит жизнь
Туда, где сливаются снег и снег.

Кони летят – полотна не смять,
Зимнего воздуха жуть и сласть.
Белое, белое мчится вспять –
Время, которое любит – красть.

Но сверху, откуда пути видны,
Смотрит пристально за тобой
Горячий и чёрный зрачок луны
С птичьей каёмкою золотой.

«Мне видится, как будто снится…»

Мне видится, как будто снится
Знакомое давным-давно:
Старушки раскупают ситцы,
И макароны, и пшено.

Рубли измятые считая,
Едва губами шелестят,
Потом снимаются как стая
И в высь над городом летят.

Летят над серыми домами,
Над чёрным заводским прудом,
Отягощёнными крылами
На воздух опершись с трудом.

Они кружат нестройным хором
Под белой бездною небес,
Бессвязным птичьим разговором
Тревожа жителей окрест.

«Как странно в вязкой пустоте…»

Как странно в вязкой пустоте
Среди погибших слов
Заговорить на языке
Утраченных богов!

Огонь бесплодный и ничей,
Но жечь ему дано.
Звучанье собственных речей
То смутно, то темно.

Оно темно, как белый снег
Во чреве зимних туч.
Сколь славен был далёкий век,
Сколь радостно могуч!

Покорно отпускаю ввысь
Сплетенье древних слов:
Печальным эхом воротись
На пиршество богов…

«В тёмный сад, на самое дно, в траву…»

В тёмный сад, на самое дно, в траву –
Слышать, как бьётся из-под земли вода.
Как мне странно, что я до сих пор на земле живу –
Словно птица, не покидающая гнезда.

Как мне странно, что любит меня этот старый сад,
Словно я – это яблоневое дитя.
Он ведь знает, что я не обернусь назад,
Ни улетая, ни уходя.

Но пока моё сердце тут, у его груди,
Он сплетает ветви, пытается удержать.
Глубоко в полуночном небе плывут круги –
Кто-то канул в небо, и звёзды ещё дрожат.

«В моём краю зима – пожар…»

В моём краю зима – пожар,
До неба выметнуло пламя.
Оно застыло, не дыша,
И степь скользит под облаками:

Поёшь ли, тихо ль говоришь –
Алмазным пламенем горишь!

И слышно только снежный хруст
Да тишину над долгим воем.
Здесь душу покидает Русь
И начинается неволя:

Вдыхаешь в молодую грудь
И степь, и смерть, и снежный путь.

А воздух зол, как тетива,
Свободы ждущая веками,
И всходит белая трава
Вокруг горячего дыханья:

Спеши! Наградою тебе –
Деревня, люди, ночь в избе…

«Печальница и мастерица…»

Маме

Печальница и мастерица
Сегодня сидит без огня.
Далёкий фонарь серебрится
В морозных узорах окна.

Ей кажется: бросишь работу –
И время затянется льдом,
И можно дождаться кого-то,
Кто ищет затерянный дом.

Не цепи смертей и рождений
В предчувствии гласа трубы,
А ветхая ткань сновидений
С серебряной нитью судьбы.

И если расправить руками –
Увидишь в сплетении строк
Горящий на пепельной ткани
Серебряно-светлый цветок.

И пламя займётся иное,
И вспыхнет растерянный взор:
Какой бесконечной зимою

Рождался прекрасный узор!

Какие холодные дали
Свирепо дышали в стекло!
Как руки томились и ждали –
Но вечное время прошло.

«Как я люблю этот поздний покой…»

Как я люблю этот поздний покой –
Низкое небо над белой рекой,

Выстланный снегом каменный мост,
Иву с охапкой брошенных гнёзд,

Издалека, где всходила заря, –
Бурое зарево монастыря,

Много ли, мало ли вёрст и веков
Шелест полозьев, удары подков,

И над покорным молчанием изб –
Флюгер безумный, жалобный визг…

«Мы не умерли и не смирились…»

Мы не умерли и не смирились,
Но взгляни на далёкий закат:
В синем дыме цветёт амариллис –
Это гибнет оставленный град.

Закоптились небесные своды
До глубокой ночной черноты.
В тайном городе нашей свободы
Догорают дома и мосты.

Нам не слышно, как мечутся крики
От огня до небесной реки.
Там горят наши мёртвые книги,
Наши дерзкие черновики.

«Светлеет – словно тонкий лёд…»

Светлеет – словно тонкий лёд
Легко расходится в реке.
Тележка дворника поёт,
Поёт на птичьем языке.

И молодое деревцо
Едва лепечет под окном,
Слепое повернув лицо
Туда, где солнце будет днём.

На миг попробуй замереть,
Закрыть послушные глаза:
Звенят, как праздничная медь,
Малиновые голоса.

О, лёгкий утренний полёт
В пустое небо без примет!
Слепой и тонкий тополёк
Листвой ощупывает свет.

Браслет

Индийские камни на смуглой руке –
Не сон ли тяжёлый, не путь ли кровавый?
Но нет – это к тёмной прозрачной реке
Текут и текут бесконечные травы.

Но нет: это мягко ступает носок,
Но нет: это гул золотого браслета,
Ладонью прижатый горячий висок,
И слёзы, и страх, и мольба до рассвета.

Но нет: это заполночь мимо светил
Ночных – проскользнула в холодных глубинах
Случайная тень ослепительных крыл,
Тревожных и царственных –
Голубиных.

Бронзовый ангел донского монастыря

Перед крыльями твоими
Замираю в тайном страхе:
Вот какие в поднебесье
Иногда летают птахи!

И гудит, пластая воздух,
Крыл томительная бронза,
И глаза твои слепые
Смотрят пристально и грозно.

Но когда же ты летаешь
В пустоте над облаками,
Если даже нынче утром
Ты сидишь на чёрном камне,

А среди крестов и клёнов
Шумно листья облетают,
И хрипатые вороны
Тучи снежные скликают,

И полны густого света
Неопрятные аллеи –
Кажется, не хватит силы

Удержаться на земле…

Гл. 17

Как ворон, замерев над спящим Вавилоном,
Услышишь: ворота откроются со стоном,
Медлительный рассвет восходит на холмы,
Становится светло, но порожденья тьмы
Ещё тревожат сны, ещё в глухих трущобах –
То крадущийся шаг, то мерзкий хриплый шёпот.
Великий город спит роскошным сном блудницы,
И тьма глядит на свет сквозь узкие бойницы –
Туда, в туман полей. В привычной бедной сини
Мерцают купола погубленных церквей.
Жестокий царский труд напрасен – быть пустыне
На месте праздной родины твоей.
Покорствуя, сойти? Восстать ли против Книги,
Тысячелетний рок, как прах, смахнув с весов?
Но сквозь любой толпы приветственные крики
Ты слышишь гневный хор высоких голосов –
И нестерпимо сквозь небесный белый дым
Сияет юный Иерусалим.

«Никто не едет – Бог с тобой…»

Никто не едет – Бог с тобой!
Всё ветер, ветер – свист и плач,
Обрывок ленты голубой,
И белый плат, и чёрный плащ.

И кони, кони – им невмочь,
Хрипят и бьются под кнутом –
Всё ветер! Кто в такую ночь
Отважится покинуть дом.

И звёзды нынче не горят,
И окна бьёт больная дрожь.
Дорога в рай, дорога в ад –
Россия, осень, снег и дождь.

Настанет время, и по ней –
В замужество, на казнь, на суд –
На тройке загнанных коней
Тебя в неволю повезут.

И ты… да хоть кольцо отдашь –
С размаху, в поле, – всё равно –
За наважденье, за мираж,
За это светлое окно…

«Ветка небесной сирени…»

Ветка небесной сирени,
Свет рассыпая кругом,
Смотрит, как в нищем селенье
Гаснет последний огонь.

Стало пустынно и глухо.
Чует ночная трава,
Как повторяет старуха
Вечной молитвы слова.

Молит, склонясь головою:
Сирый, убогий ночлег
Да обойдёт стороною
Всякий лихой человек…

«Как мало нужно – даже не обман…»

Как мало нужно – даже не обман,
Один намёк, корпускула надежды!
Темнеет и сгущается туман,
Но изнутри сияют вежды –

Свобода! Твой высокий гром
Взрывает глушь почти желанной мукой.
Я знаю, завтра мы умрём,
Но здесь, сейчас, перед разлукой

Мы видели прекрасные черты,
Пустые тропы молодого рая,
И слава Богу, если знаешь ты,
Зачем ты губишь нас так рано.

«Уснуть, утомиться…»

Уснуть, утомиться,
На локоть прилегши виском,
Восьмую страницу
Заметить вишнёвым листком,

И пусть, улетая,
Уносит свой лепет и блеск
Прозрачная стая
Почти незнакомых небес.

Я знаю – за ними
Откроется тёмное дно,
И звучное имя
Ему беспечально дано,

И там, словно в зеркале,
Виден ухоженный сад –
В нём листья померкли
И яблоки мягко блестят.

Как тёплые звёзды,
С ветвей улетают плоды,
Небесные вёрсты
Считая среди пустоты.

Сиянье всё выше,
Всё тише и явственней гул.
Садовник не слышит –
Усталый, над книгой уснул.

Уж август, и скоро
Уснёт успокоенный сад.
В глухие просторы
Плоды золотые летят,

И властью мгновенной
В пространстве прервётся полёт,
И в новой вселенной
Желанный росток прорастёт.

«Рыжую шляпу надвину на самые брови…»

Рыжую шляпу надвину на самые брови –
Злое, линялое небо исчезнет из глаз.
Тёмное облако будет лежать на дороге:
Волоколамск.

Густо деревья сплетают унылые пряди,
Солнечный луч не пробьётся сквозь плотную вязь.
В серой пыли, как забытый надкушенный пряник, –
Волоколамск.

Долго молчанье прозрачной твоей колокольни,
Время твоё изнутри разбивает виски.
По мостовой незнакомые белые кони
Звонко идут до зелёной реки.

У пастуха на плечах прогорела рубаха,
Синие очи в глубоких глазницах блестят.
Кони, как струны, дрожа от неясного страха,
Слушают воздух и в сонную воду глядят.

«Желанье властвовать и страсть…»

Желанье властвовать и страсть
К движению и созиданью:
Дымящиеся глыбы класть
В основу мирозданья,

И сотрясать небесный кров
Под грозный гул столпотворенья,
И дерзких молодых рабов
Выслушивать без удивленья,

И им свободу даровать,
Дабы свободными могли бы
Трепещущие жилы рвать,
Под небеса вздымая глыбы.

«О нет, не слепота грозит моим глазам…»

О нет, не слепота грозит моим глазам –
Безумная тоска по тёмным небесам.

В начале сентября, когда едва-едва
Морозною росой затронута трава,

Когда в пустом саду сутулится жасмин,
Вдыхая холода космических глубин

И растворяя грань ошибок и чудес
Меж хаосом Земли и космосом небес, –

В такие времена нет силы не смотреть
В пространство темноты, где умирает смерть,

И можно угадать сводящие с ума
Свободу, и простор, и звёздные шторма.

«Всё есть и будет – смерти нет…»

Всё есть и будет – смерти нет,
Простая истина Вселенной.
Дороги в край благословенный
Вливаются в пути комет,

И звёздным крошевом звенят,
И плещут ржавою водою,
И вот опять перед тобою
Гора, тропинка, дом и сад.

Но это призрак! Дома нет,
Лишь дерева над чёрным срубом,
А в воздухе сыром и грубом
Мерцает яблоневый цвет.

Но нет! Ощеренные пни,
Осенний запах тьмы и тлена…
Ты упадаешь на колена,
Но только голову склони –

Тебя уже зовут с крыльца,
И ты нетвёрдыми шагами
Идёшь, идёшь навстречу маме
И в руки сильные отца,

И пахнет тёплым молоком
Цветастый, яркий мамин запон,
И солнце катится на запад,
И засыпают сад и дом…

«Словно тихая река…»

Словно тихая река,
Небо улицы осенней.
Золотые берега
В воду медленно осели.

Звонким криком на лету
Обещая непогоду,
Птица канет в высоту,
Словно в медленную воду.

Только лёгкую волну
Принесёт холодный воздух.
Через эту глубину –
Ни моста, ни перевоза.

Ну да полно – стынет грудь
От глубокого дыханья.
Шаль плотнее запахнуть –
До свиданья, до свиданья!

Возвратишься ли? – Бог весть!
А воспомнишь ли? – не знаю,
Меж осенних частых звезд
Я другое вспоминаю…

Оранта

Две ладони – восход и закат.
Две ладони – жалеть и ласкать,
Гладить волосы, косу плести,
К изголовью воды поднести.

Две ладони – кормить голубей,
Две ладони – качать колыбель.
Повторяйтесь, восход и закат,
Как молитва на всех языках.

Повторяйтесь, тревога и труд,
Помогайте бесстрастной судьбе.
Две ладони друг к другу прильнут
В материнской печальной мольбе,

Две ладони покорно замрут,
И на долгие-долгие дни
Материнский томительный труд:
Вразуми, помоги, охрани…

«И нам только небо осталось…»

И нам только небо осталось –
Обетованный край,
Осенний синий парус,
Ладья, плывущая в рай.

Какие смуглые лица
У молодых гребцов!
Вселенная удивится,
Человеку взглянув в лицо.

Не спросит: чего ты ищешь,
Взрезая тьму и свет? –
Покинувшим пепелище
Обратной дороги нет.

Но ты ещё прочитаешь
Бездонных очей упрёк:
Как же ты покидаешь
То, что не уберёг…

«Ты ль это, жизнь, обложенная данью…»

Ты ль это, жизнь, обложенная данью
Пустых, невыносимо долгих дней?
И мука одиночества сильней
Необъяснимой муки созиданья.

И сердце ждёт полночного труда:
И звук, и свет – всё обернётся вестью.
Какие тайны, образы, созвездья
Плывут в мои пустые невода!

Как рыбарь, поднимаю свой улов,
Перебираю спутанные сети,
И так светло среди тысячелетий
От серебристого сиянья слов…

«Учитель красок молодых…»

Учитель красок молодых,
Наставник камня, меди, бронзы,
Настройщик слов разноголосых –
Здравствуй, день!

Я угадала твой приход –
Ещё во сне твой голос лёгкий
Скользил ко мне летучей лодкой
Над океаном тёмных вод.

Тебе мерцали из глубин
Сады, дворцы чужих владений,
Но нежный морок сновидений
Одолеваешь ты один.

Учись, новорождённый свет,
Вбирай тепло, металл и камень!
Слова, звучите под руками –
Протест, мольба или сонет.

Счастлив, кто раньше всех пробудит
Свободный колокол небес!
Спешите, помните, что здесь
Другого времени – не будет!

Июль

Над камнем, жарко разогретым,
Голубоватый вьётся дым.
Июль сияет мрачным светом,
Тяжёлым светом грозовым.

В разрывах туч играют блики,
И, ясный в гневно-голубом,
Угрюм и прям, Иван Великий
Вздымает царственный шелом.

– Никто не разгадает даром
Величье страшное твоё!
За миг пред каменным ударом
С небес метнётся лезвиё –

И дождь ударит по брусчатке,
И хлынут чёрные ручьи –
Мгновенья гнева будут кратки,
Как мысли тайные твои.

Душа – она уже взлетела
Под гулкий колокол грозы,
А обезглавленное тело
Уволокут в канаву псы.

«Молиться и каяться поздно…»

Молиться и каяться поздно –
Загадано всё наперёд.
Грядущее ясно и грозно,
Как этот ночной небосвод.

Но сладко томиться надеждой,
Что жизнь повторится опять,
И снова над родиной снежной
Звезде равнодушной сиять,

И снова и кони, и сани,
И запах морозных овчин,
И сердце измучено снами –
Болит и болит без причин.

«Ещё не видно первых звёзд…»

Ещё не видно первых звёзд,
Пустое небо ясно-серо,
Алмазная твердыня мира
Податлива, как тёплый воск.

Какой медлительный огонь
В небесном пологе витает?
Звенящий воздух мягко тает
И исчезает под рукой.

Недолгий сумеречный час
Смятенья и непостоянства
В другое, тайное пространство
Неодолимо манит нас.

Лететь! В неведомое, прочь,
Легко, легко, почти невольно!
Вздымает на востоке волны
Темно сияющая ночь –

И если первый взор звезды
Полёт стремительный застигнет,
Летун как бабочка застынет
В алмазных гранях пустоты.

«Бежать, спешить –
и не остановиться…»

Бежать,
спешить –
и не остановиться.
Мелькают окна,
взгляды,
листья,
лица,
Но вдруг однажды вспугнутая птица
Коснётся лба
стремительным крылом –
И в это же мгновенье всё кругом
Замрёт –
и не посмеет пробудиться,
Пока она
не позабудет страх,
Не запоёт в глубоких небесах.

Пиала

Прозрачным светом налитая,
Ты в глубине едва темна.
Коричневая, золотая,
Горит узорная кайма.

В ней стали знаками простыми
Дорога в розовой пыли,
Селенье на краю пустыни
И солнце на краю земли.

И радость утреннего сада –
Он ветви сильные простёр
В небес недолгую прохладу
И сквозь ограду, на простор.

Простой узор на хрупком своде
Сплетает вечность и предел.
Как видно, о другой свободе
Воспомнить мастер не хотел.

Его рука напоминает,
Узоры лёгкие вия,
Как щедро небо наполняет
Земную чашу бытия.

«Ни звонниц, ни колоколен…»

Ни звонниц, ни колоколен,
Мрак небес звёздами вышит,
Слабый звон над тихим полем
Ночь прозрачную колышет.

Град ли светлый, дивный Китеж
Звоном медленным туманишь?
На краю – да не покинешь!
В глубину – да не заманишь!

В сонных травах, в рыжей глине,
Там, где чутко дремлет камень,
Вековые царства гинут,
Звёзды меркнут, души канут.

Проведи меня по краю
Над поющею долиной,
Вкруг неведомого рая,
Вкруг мечты неутолимой.

«Ещё повсюду,
как на лёгкой ткани…»

Ещё повсюду, как на лёгкой ткани,
Ни золота, ни серебра,
Но диких трав глубокое дыханье –
Начало сентября.

И веет упоительно и пряно
От буйных пустырей,
Где за поникшей гривою бурьяна
Стеной стоит пырей,

И робко тянет к небу повилика
Последние цветы,
И птичьего стремительного крика
Не слышно с высоты…

Все звуки гаснут. Наполняют землю
Жара и тишина,
И воздух густ и зелен, словно зелье
Беспамятного сна.

Время

Маме

Когда земля начнёт свой новый круг,
Мы будем три сестры:
Анастасия, Антонина, Нина.
Мы будем жить в большой глухой избе
Над быстрою холодною рекой,
С утра до вечера, над пяльцами склонясь,
Мы будем вышивать:
Клубнику – алым,
Зелёным – листья,
Белым – лепестки.
Вечерний дух нахлынет от реки –
Мы сказки страшные припомним:
То злую ворожейку Паучиху,
То гиблый омут, то глухой сосняк,
Где под зелёным холмиком земли
Давным-давно бродяга похоронен…
Приданое лежит по сундукам:
Вот скатерть с белым выбитым узором,
Вот покрывало на постель,
Подзор,
Салфетки с петухами и цветами,
Шуршащие сатиновые платья,
Холодные шелковые платки…

Вечерним духом тянет от реки.
Но кто-то едет!
Нет, всё тихо-тихо.
И всходит на крыльцо,
И дверь скрипит…
Всё кончилось.
А дом над узкой речкой
Обвалится,
Травою зарастёт
И в половодье на глухой заре
Сползёт с обрыва в воду.

«Россия! Все твои черты…»

Россия! Все твои черты
Оттиснуты в душе.
Повсюду узнаёшься ты:
В тоске и в мираже,

Но лучше муку и позор
Вдохнёт больная грудь,
Чем этот голубой простор
И ровный санный путь.

Как безутешно плачет медь
Вдоль синей белизны!
Мне было б легче встретить смерть,
Чем белый лик луны.

Среди нетронутых полей
И молодых снегов
Пред вечной чистотой твоей
Смолкает в жилах кровь…

«От белых лент, от сонных рек…»

От белых лент, от сонных рек
Сквозит холодное сиянье.
Пошли мне, Господи, ночлег –
Меня измучили скитанья.

В убогих русских городах
Горят огни до поздней ночи,
Но гаснет свет – и волчий страх
У спящих выедает очи.

И ясно слышно скрип саней,
Коней дыхание густое,
И ночь сияет всё сильней,
И всё темней в её просторе.

Куда идти? Кого винить?
Кого молить повинным словом,
Коль под Твоим высоким кровом
Нам негде голову склонить…

«Когда позор, тоска, бессилье…»

Когда позор, тоска, бессилье
Отравят грудь,
Для тайных странствий по России
Есть Млечный Путь.

Туманна бледная дорога –
Туман смахни,
И засияют издалёка
Огни, огни.

Смотри, пока застигнет утро:
В холодной тьме
Они рассыпаны, как будто
Письмо к тебе.

Слова горят, но слог бесстрастный
Хранит покой,
И ты уже из тайных странствий
Спешишь домой,

Ночного ветра злое пламя
Сбиваешь влёт,
Но слабый голос над полями
Поёт, поёт…

Зачем он царствует над нами
В просторах тьмы?
Неодолимыми волнами
Скользят холмы,

Под властью голоса ночного
Немеет грудь,
И нет уже пути иного –
Есть Млечный Путь.

«О, если и вправду написана Книга Судеб…»

О, если и вправду написана Книга Судеб –
Страницы печали, и гнева, и страсти, и славы, –
Склоняется небо, как чаша смертельной отравы,
И тёмною влагой питается зреющий хлеб.

И огненным взором по древним страницам летя,
Светило Земли потускнеет за долгие годы,
И кто-то последний умрёт на пороге свободы,
Последнего знака, последней звезды не дочтя.

Ради шелеста, лепета, пенья
Стихотворения 1992–2001 гг.

«Никакая рука – только сердце удержит поводья…»

Никакая рука – только сердце удержит поводья,
Если хлынул апрель по дорогам и мимо дорог.
Что гадать на любовь по капризной весенней погоде –
Ты всегда одинок.

Словно сходит не снег – материк растворяется в прошлом,
И в угрюмое небо неспешно уходит река,
И лощёная челядь твоим подстилает подошвам
Облака, облака…

Небо платит за всё: невесомых апрельских дождинок
Ты уже получил, выходя из дубовых дверей
В этот город сырой, в ослепительный свой поединок
С горькой властью своей.

Потому что она обрекает тебя на сиротство,
Ибо только сиротство тебе во спасенье дано.

Остаётся – любить, потому что всегда остаётся
Только это одно.

«Над полетаевскими рощами…»

Алине Трусковской

Над полетаевскими рощами,
Над светлыми березняками
Льняные облака полощем мы
Трудолюбивыми руками.

Здесь горизонт рокочет грозами,
Но все они проходят мимо:
Прозрачной рощицей берёзовой
Нас наше небо заслонило.

И лёгкий свет, раздетый донага,
Ныряет с облака крутого
В душистые объятья донника –
То белого, то золотого.

А если вдруг нежданно всплачется,
Воспомнится неосторожно –
Вот земляника, мать-и-мачеха
И подорожник придорожный.

Возьми с ладони эту радугу
И смуглый сад, ещё спросонья,
Где капельки звенят, не падая,

И называются росою.

«Внезапный снегопад остановил часы…»

Внезапный снегопад остановил часы.
Лавиною сошёл с невидимой вершины!
Как занавес, упал – застыли, недвижимы,
Привычные черты привычной суеты.

Нам некуда идти. Сырым тяжёлым гнётом
Деревья клонит ниц до хруста в позвонках.
И то, что вознесли до неба на руках,
Теперь лежит в грязи, плывёт холодным потом.

Всё будет хорошо. Растает, зарастёт,
Запустим время вновь – пойдут по кругу стрелки
На башне городской в золоченной тарелке –
Но этот снегопад, и ужас, и восторг

Останутся как весть о грозном, несказанном,
О родине стихов, о лежбище лавин,
Чей лёгкий синий флаг летит, неуловим,
И поднимает ввысь легко, одним касаньем.

«Русское солнце, дорожное, скудное светом…»

Русское солнце, дорожное, скудное светом…
Очи в слезах – только я не узнаю об этом.
Грошик серебряный – хлеба купить или просто
В стылую воду забросить с Калинова моста?

Дайте вернуться опять по старинной примете
В эти скупые края, где серебряно светит
Русское солнце, плывущее хмарью февральской,
Детское сердце терзая тревогой и лаской!

Русское солнце! Холодное, ясное, злое,
Словно присыпано давнею белой золою,
Словно обмануто, брошено, но, воскресая,
Из кисеи выбивается прядка косая.

Медленно-медленно, свет собирая по искрам,
Я проникаюсь высоким твоим материнством:
Это душа твоя ищет меня, как слепая,
Бережным снегом на тихую землю слетая…

«Так тигр подходит к бабочке, смеясь…»

А. К.

Так тигр подходит к бабочке, смеясь
И в первый раз пьянея на охоте…
Он осторожно втягивает когти:
Откуда эта радужная вязь,

Откуда эта пряная пыльца
И воздуха неуследимый трепет?
Он морщит нос и любопытство терпит,
Как терпят боль, пощады не прося.

Он тянется, дыхание тая,
Он видит всю её, почти не глядя,
В разлёте крыл, как в крохотной тетради,
Прочитывая буквы бытия.

Потом уходит, мягок и тяжёл,
Своей кровавой славе потакая,
Легко угрюмый воздух обтекая,
Запоминая то, что он прочёл.

Она живёт ещё какой-то час,

Ещё какой-то век своей свободы,
Со всей великой библией Природы
Одною этой встречею сочтясь.

«Зима стояла у киоска…»

Зима стояла у киоска,
У самых нежных хризантем,
И капли голубого воска
Стекали вдоль стеклянных стен.

Угрюмый город спал, неприбран,
И ты сказал: «Душа болит…»
Цветам, как будто странным рыбам,
Был свет до краешка налит.

Они плескались, лепетали
И вглядывались в полумглу,
Растрёпанными лепестками
Распластываясь по стеклу.

И, позабыв свою работу,
На низком стуле у окна
Цветочница читала что-то,
Как смерть, наивна и юна.

«Я говорю: печаль мудра…»

Я говорю: печаль мудра, –
Ещё не зная, так ли это.
Метелей дикая орда
Захлёстывает чашу света.

Стоят такие холода,
Что воздух бьётся, стекленея.
Я говорю: печаль добра, –
И согреваюсь вместе с нею.

И сонным полнится теплом
Мой дом у края Ойкумены,
И оседают за стеклом
Седые хлопья звёздной пены.

Свеча до самого утра –
Маяк для скудного рассвета.
Я говорю: печаль мудра, –
Ещё не зная, так ли это…

«На три стороны помолясь…»

На три стороны помолясь,
На четвёртую обернусь:
Не ходи, синеглазый князь,
На мою золотую Русь!

Дети малые крепко спят,
Бабы Господу бьют челом.
Брошу наземь узорный плат,
Спрячу волосы под шелом.

По Калинову по мосту
Бьют копыта в сухой настил.
А сказала я Господу,
Чтобы он мне грехи простил.

И за брата, и за отца, –
Где теперь и отец, и брат? –
И за узенький след кольца,
И за брошенный наземь плат.

Жирно чавкает злая грязь –
Не вином напоили Русь!
На три стороны помолясь,
На четвёртую обернусь.

«Смерть – это кукла…»

Смерть – это кукла.
Пыльное тряпьё
И серые изъеденные кости.
Игрушка дьявола.
Но долго-долго помнишь
Сухое цепкое прикосновенье
И душный запах ветхого тряпья…

«За тем невидимым пределом…»

За тем невидимым пределом,
Где все невинны и чисты,
Как будто в фильме чёрно-белом:
Вокзал, автобусы, часы.

Туман ли, дым ли – странно горек,
Но это всё-таки весна,
И можно выбрать век и город,
Автобус, место у окна.

Из мира в мир, всегда навстречу
Иным улыбкам и слезам,
В слепое утро, зыбкий вечер,
Другой сырой автовокзал…

Душа моя, Господь с тобою,
Не говори, что жизнь прошла,
Когда ладонью восковою
Туман стираю со стекла…

«Безумие похоже на ту страну…»

Безумие похоже на ту страну,
Где вечно светит луна и не тает снег.
Где ты никогда не оставишь меня одну,
Даже если оставишь всех.

Любой проспект кончается тупиком.
Первый же переулок идёт на взлёт.
Трамвай разрывает воздух кривым звонком.
Пока ещё мне везёт.

Я еду через весь город. Там, на краю,
Немного теплее – быть может, это весна.
Я еду к поэту. Недавно он жил в раю,
А теперь там идёт война.

Он торгует сандалиями. Обувь его легка –
Словно майские крылышки вьются вокруг стопы.
И тропа пробегает сквозь ватные облака
Чуть быстрее хромой судьбы.

Его стихи похожи на ту страну,
Где земля – как материнская грудь.
Но эту землю Господь оставил одну,
И теперь её не вернуть.

«Время ли ветром проходит сквозь сердце…»

Время ли ветром проходит сквозь сердце,
Воли ища –
Только пыльца серебристая сеется
С крыльев плаща.

Не отнимай, что судьбою не взято –
Малую часть!
Не наглядеться не то что на завтра –
И на сейчас.

Кажется, свет, что собрали по капле,
Весь пролился.
Кажется, сон. А спохватишься: так ли? –
Всюду пыльца.

Только душа со своею тоскою
В оба крыла –
Знает ведь, знает, что это такое –
И солгала…

В Лето Господне, в туманное лето
Жизни земной
Ей всё равно – тот ли век или этот,

Или иной.

«Гора стекает вниз.
Под плитами базальта…»

Гора стекает вниз. Под плитами базальта
Томится тишина.
И вечность, что была обещана назавтра,
Сегодня сочтена.

По каменным ручьям, по грозным гулким рекам –
Тома тяжёлых скал,
Как будто свой архив Господь-библиотекарь,
Спеша, перемешал.

Средь эпосов долин и грозовых риторик
С закладками цветов
Он ищет, торопясь, давно забытый томик
Своих стихов.

Куда бежать воде? Куда векам стремиться
И нам держать свой путь?
Мы отыскали том, но каменной страницы
Нам не перевернуть.

«Окликнуть можно – только шёпотом…»

Окликнуть можно – только шёпотом,
Закутать – шёлком или шорохом,
Глаз не поднять – испепелят!
Губ не коснуться – не велят.

Ещё не пленница – сопутница,
Но имя вспыхнет и забудется,
И паутина жалких слов
Истает в пепле жарких снов.

Рассветной улочкой по камушкам
Дробь не рассыпана пока ещё,
Но как шаги по мостовой,
Звук сердца так неровен твой.

А если что-то вдруг останется,
Так это краткое беспамятство,
И в нём вся правда обо мне
Совьётся свитком на огне.

Музыка

1.

У сердца сотня сторожей,
Вооружённых чем попало.
Но сердце музыка украла
Из-за решёток и ножей.

Мир полон музыки! Игра
Свободно сочетает ноты.
Её прозрачные тенёты
Ведут движение пера.

Я стала лёгкой, словно пух,
Чтоб легче проходить по краю,
Не умирая, но играя,
На звон настраивая слух.

2.

В зелёном зеркальце пруда
Себя разглядывает небо.

Глубинных трав шелковый невод
Колышет сонная вода.

Что ловят в эти невода?
Что прячут, стебли заплетая?
Кувшинка дремлет золотая,
Не просыпаясь никогда.

Над нею облако скользнёт –
Ей тоже облако приснится.
Но заблудившаяся птица
В зелёном небе канет влёт,

Не потревожив ни волны,
Не смешивая отраженье –
Как будто с самого рожденья
Была не с этой стороны,

Как будто ей одной дано
Летать из мира в мир без правил,
И для неё Господь оставил
Всегда раскрытое окно.

Юнга

На самом деле всё не так:
Ты просыпаешься за полночь,
Земля плывёт на трёх китах –
Куда? – но ты уже не помнишь.

В её зелёных парусах
Мелькает снег – начало мая.
Сама себя не понимая,
Земля испытывает страх.

Её суровый капитан
Застёгивает белый китель,
Готовясь в тёмную обитель,
Молясь акулам и китам.

И чёрной тяжестью киты
Удерживают колыханье
Безмерных толщ, и их дыханье
Колеблет твердь и колет льды.

И, серое рваньё воды
Пропарывая плавниками,
Мерцая белыми боками,
Всплывают вестницы беды…
……

Сочась через полотна штор,
Тебя будить не смеет полдень.
Ты юнгой этот шторм прошёл
И жив остался, чтобы вспомнить:

На самом деле всё не так!

«Воспоминаю я, печалясь…»

Воспоминаю я, печалясь,
Воспоминаю я одно:
Как долго бабочка стучалась
В ночное чёрное окно.

А мы с тобой беспечно плыли
Среди неведомых светил,
И тонкий полог звёздной пыли
Тела нагие холодил.

Она металась мягкой тенью
Вдоль непроглядного стекла –
Быть может, веру и спасенье
Она из мрака принесла.

Но мы не разнимали руки,
Не отводили жадных глаз:
Безумье завтрашней разлуки
Волною захлестнуло нас.

Не потому ли мне осталась
Лишь память выше всяких сил,
Как серебристо осыпалась
Пыльца с её тяжёлых крыл.

«То ли дерзкое смиренье…»

То ли дерзкое смиренье,
То ли радостный страх
Вспыхнет белою сиренью
О пяти лепестках.

Ах, весна! Проси пощады
Или чудо твори –
Под тяжёлыми плащами
Никнут светы твои.

Воровски, жестоко, жадно,
Раболепно клонясь,
В этой кипени прохладной
Нынче – вор, завтра – князь.

И звенит, звенит свирелью
Тайный жар на устах:
То ли дерзкое смиренье,
То ли радостный страх.

Четыре письма к А

I.

Я знаю эту тайну. Розы спят
В зеркальном облачении до пят,
Но стоит к ним губами прикоснуться –
Они проснутся.

Они тогда особенно близки,
Когда летят, темнея, лепестки
На смутное мерцающее ложе –
Они похожи

На поцелуи, краденые с губ.
И этот нежный, невесомый звук –
Скорее, шелест или слабый шёпот –
Вернётся к нам ещё раз:

Позвать, окликнуть в зыбком полусне,
Легко напомнить небу обо мне
И робкое о Вас ему замолвить слово.
И снова…

II.

Постойте, нет, я вовсе не о том,
Как ночь приходит, заполняя дом,
И звёзды смотрят в зеркало, как днём
Смотрела я – внимательно, и дном
Прозрачной тьмы становится дорожка
Из кухни в комнату, и птица или кошка
Клубок луны гоняет по углам…
Слова – лгуны! И если только нам
Понадобится что-нибудь поведать,
То это всё закончится победой
Молчания…

III.

Любовь ещё не знает, что она –
Сегодня мной открытая страна.

Ты вся моя: трамваи, магазины,
Мосты и церкви, суета и гам.
И зеркала твои неотразимы,
И падают ветра к твоим ногам.

Замри на миг! Хочу запомнить точно
Твои черты: кафе, театр, почта,
Ларёк с мороженым, безлиственная липа,
Витрина с книгами, кондитерский киоск…

Как ты переливаешься счастливо,
Как ясно ты горишь и таешь, словно воск!

И вот уж пальцы жжёт. Ещё, ещё немного –
И всё. И только пятнышко ожога.

IV.

Вы знаете, мой друг, как мне легко и горько
Выравнивать цветы по краешку весны.
Я шью себе наряд, и тонкая иголка
Скользит, как луч луны.

Ваш бархат мне тяжёл, и шёлк меня не любит.
Ну разве что батист, просвеченный насквозь…
Серебряный стежок протягивает люрекс
И между двух пространств ведёт дискретный мост.

По правилам игры пора поставить точку:
Какой послушный знак! Уж он-то не солжёт!
Оставим всё как есть:
Кафе. Театр. Почта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.